своем», с «заплаканными глазами» уходит из дому и ее Татомир, плачет и ее мать и даже старый воин Борутин плачет над гробом сравнительно давно погибшего сына: «Ежегодно посещал Борутин в день смерти его это родное и святое место, где его сын умер, орошая горькими слезами холмик, под которым были похоронены кости покойника».[8]

«Чувствительному» стилю Кукулевича соответствуют и жалостные лирические и риторические, декламационно-повествовательные монологи героев, их длинные рассказы о жизни, предшествующей времени, описываемому в повести (очень частые в произведениях Карамзина); особнно характеризует прозу Кукулевича сентиментальная лексика. На страницах произведений Кукулевича льются «горькие» или «горько-сладкие слезы» («gorko-slatke suze»), слышатся «вздохи тоскующих сердец» («uzdasi tugujućih srca»), «сладкими» бывают воспоминания («slatke uspomene») и песни («slatke pjesme»), «милыми» же являются братья («mili pobratim»), песенки («mila pjesmica»), матери («mila mati»), голоса («mili glas»), желания («mile želje»). Кукулевич любит такие выражения, как например «райская сладость» («rajska sladost»), «святая тишина» («sveta tišina»), «вечный мир» («vječni mir»); очень часто у него повторяются прилагательные «тихий» («tiha samoća», «tiha sobica») и «благой» («blaga ljubav»), а среди выражений, означающих явления природы, выделяются «милый шум реки» («mili romol rijeke»), «благой свет» («blaga svjetlost»), «приятная долина» («prijatna dolina Zrmanjska»), «роскошная долина» («raskošna dolina») и т. п.

Кроме того, надо подчеркнуть склонность Кукулевича к частым синтаксическим инверсиям, особенно знаменательным в случаях употребления прилагательного после существительного, а также склонность к ритмическому, бессоюзному членению фразы. Чаще, чем в драме «Юран и София», в рассказах Кукулевича встречаются русизмы, среди которых есть и такие, которых нет в словаре того времени, как например: «nadežda» (в словаре Мажуранича—Ужаревича, «ufanje, nadanje, nada»), «mečta» (в словаре — «fantazia, razmniva»), «pričina» («uzrok, razlog, prigoda»), «blagorodni» («plemenit, uznosita duha»), «blagodatni» («ugodan, prijatan»), а в рассказе «Братья» в одном месте находим даже приветствие «zdravstvuj!».

Все эти упомянутые стилистические особенности двух оригинальных повестей Кукулевича целиком отсутствуют в переделанной им повести немецкого автора («Паук»), опубликованной во втором сборнике его рассказов.

Обе повести Кукулевича характеризуются псевдоисторизмом. Хотя они построены на почти что современных мотивах (недавнее сербское прошлое, события на границе Далмации и турецкой

---

[8] Različita djela Ivana Kukuljevića, кн. I, стр. 5.